

Автобиография Екатерины заслуживает внимания и по другим причинам, кроме упоминавшихся. В раскрытой перед нами главе мы видим личность веселую, отнюдь не злоумышленную, утомленную дворцовым этикетом, и женщину, измученную супругом, легкомыслие и неверность которого так велики, что это трудно себе вообразить. Мелкие домашние досады, отягчающие коронованную главу, показаны здесь с несколько забавной точностью, так что мы можем убедиться и в том, насколько сходны императрицы; великие княгини и князья по своим привычкам, чувствам, манерам с прочими прилично воспитанными дамами и господами и как мало стирается это сходство с церемониальными формальностями дворцового этикета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Статья “Александр Герцен” (“Alexander Herzen”) напечатана в “Philadelphia Daily Evening Bulletin” 21 июня 1858 г.

²Лиленд ссылается на свою статью “Герцен о России и Франции”, опубликованную в той же газете 23 апреля 1858 г. (см. ее русский перевод в “Лит. наследстве”, т. 96, с. 676–687).

³Источник этих двух цитат о Герцене неизвестен, но упоминание несколькими строками выше имени Трюбнера и утверждение, что сведения о Герцене получены от “авторитетнейшего лица”, позволяют мне с уверенностью предполагать, что этим лицом был Трюбнер и что эти данные извлечены из разговоров с ним или из его писем, а не из какого-нибудь печатного источника.

⁴Статья “Общинно-демократический принцип в России” напечатана в “Philadelphia Daily Evening Bulletin” 15 сентября 1858 г.

⁵Статья “Литературная новость” напечатана в той же газете 4 декабря 1858 г.

⁶“Записки Екатерины II” (“Mémoires de l’ Impératrice Catherine II, écrits par elle même (...) 1744–1758”) были выпущены Н. Трюбнером в декабре 1858 г. (с предисловием Герцена), но еще до того он послал отпечатанные листы книги Лиленду. В неопубликованном письме от 7 января 1859 г., хранящемся в архиве Пенсильванского исторического общества, Трюбнер просил Лиленда прислать экземпляр его статьи о “Записках”, сообщая, что издал две тысячи экземпляров, из которых 1600 уже разошлись.

⁷См. XII, 361–443 и 558–560.

У ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Сообщение И.В. П о р о х а

После окончания Крымской войны и заключения Парижского мирного договора (1856) установились нормальные дипломатические отношения России с европейскими государствами. Вскоре отменен был запрет на выезд за границу, и из России на Запад хлынул поток путешественников. По данным III Отделения в Европу в 1856 г. выехало 6032 человека, в 1858 г. – 17 243, в 1859 г. – 26 303, в 1860 г. – 70 044¹. До 1863 г. число путешественников все возрастало и возрастало.

20/8 июля 1857 г. Герцен писал И.С. Тургеневу: “Русских бывает бездна – военных и штатских, с усами и с бородой, – но все являются с поклоном в Путней” (XXVI, 106). В сентябре 1858 г. он сообщал М.К. Рейхель: “Количество русских таково, что я, наконец, должен был назначить два дня в неделю: *среду* и *воскр(есенье)* в три часа – для любезных незнакомцев” (Там же, 208).

Вспоминая в 1864 г. о бесчисленном количестве посетителей в предшествующие годы, Герцен в “Былом и думах” очень образно повествовал: “Ни страшная даль, в которой я жил от Вест-Энда – в Путнее, Фуламе... ни постоянно запертые двери по утрам – ничего не помогало. Мы были в моде. Кого и кого мы не видали тогда!.. Как многие дорого заплатили бы теперь, чтоб стереть из памяти, если не своей, то людской, свой визит... Но тогда, повторяю, *мы были в моде*, и в каком-то гиде туристов я был отмечен между достопримечательностями Путнея” (XI, 297).

Были, конечно, и приятные визиты. Но немногие из тех, кто видел Герцена, оставили описания своих встреч с ним и Огаревым. Данное обстоятельство придает особое значение каждому рассказу лиц, побывавших в гостях у издателей “Колоко-

ла”, газеты, пользовавшейся в конце 1850–начале 1860-х годов огромной популярностью в России.

Одной из таких встреч, запечатленных в нескольких источниках, стало посещение Герцена и Огарева во второй половине сентября 1861 г. Э.В. Европеус, Е.Э. Толмачевой и М.П. Тиммерманом. Сведения об этом визите попали, вероятно, случайно, в III Отделение. Впрочем, есть во всем случившемся и элемент предопределенности.

В борьбе с распространением изданий Вольной русской типографии усердствовало не только III Отделение. Министр финансов А.М. Княжевич рассылал грозные циркуляры по таможням, находившимся в его ведении, предписывая строго следить за всеми, кто возвращался из-за границы для изъятия у них запрещенной литературы.

В поле зрения чиновника Вержболовской таможни некоего Турбина 4/16 октября 1861 г. попала Эмилия Вильямовна Европеус. Бдительному таможеннику, награжденному за проявленное усердие по службе, показался подозрительным внешний вид молодой, миниатюрного роста женщины. Он решил подвергнуть ее обыску. И, как сообщалось в донесении от 5/17 октября шефу жандармов В.А. Долгорукову, у Европеус “под платьем находились два мешка на ремennom поясе, опиравшемся на плечи, и в мешках этих найдены запрещенные в России журналы и книги на русском и французском языках, запечатанные и распечатанные письма числом 39...”²

«Среди книг оказались:

1. “Правда о России” – два тома.
2. “Голоса из России” (три части – 1, 8 и 9).
3. “За пять лет”, части 1 и 2.
4. “Былое и думы” в двух частях (вторая часть – неполная).
5. “Полярная звезда”. Сочинение Искандера – 2 книги.
6. “С того берега” – 1 книга.
7. “Окончательное решение крестьянского вопроса” Н.А. Серно-Соловьевича – 1 книга.

8. “Колокол” – 21 лист, “Под суд!” и “Будущность”.

9. Сочинения князя Юрия Голицына и много книг на французском языке»³.

Европеус была отправлена под охраной в Петербург. Из тридцати девяти личных писем, отобранных у нее, особенно заинтересовали III Отделение “пять писем, запечатанных, на имена: секретаря 5-го департамента Сената Шишкина, астронома Казанского университета Эверсмана, Владимира Александровича Толмачева в Пермь, пензенского помещика Сатина и Владимира Полибина (Владимир Полибин – капитан в Инспекторском департаменте). Письма эти, – как было установлено при допросе Европеус, – она получила для передачи; что же касается книг, то, по ее объяснению, она купила их в книжной лавке в Лондоне с целью прочесть их дома”⁴.

В канцелярии у Цепного моста, где размещалось III Отделение, Европеус расспрашивали, разумеется, о ее посещении Герцена и Огарева (что рассматривалось как политическое преступление). На допросе она “объяснила свое знакомство с упомянутыми изгнанниками случайностью или просто любопытством”⁵. Впоследствии об этом инциденте с Европеус стало известно Н.А. Тучковой-Огаревой, которая рассказала о нем в своих воспоминаниях: “Возвращаясь однажды в Россию после краткого пребывания в Англии, она была арестована и отправлена в Петербург, в III Отделение”⁶. Там ее допрашивали:

Была ли она в Англии?

Была, – отвечала она.

Не была ли у Герцена?

Конечно, была, – отвечала г-жа Европеус.

Почему была у Герцена?

Потому что он известный, даровитый писатель. Как же быть в Лондоне и не видеть Герцена? – прибавила она наивно.

Разве она не знает, что он государственный преступник?

Никогда не слыхала, – был ответ, – а слышала, что он умный, ученый, даже обедала у него и считала это за большую честь, за большое счастье...

Так ее и выпустили, наконец⁷.

Тогда приезжало много русских, особенно весной и летом”⁸.

В гостях у Герцена Европеус была не одна. Одновременно к нему приехали Е.Э. Толмачева и М.П. Тиммерман, с которыми Европеус познакомилась во время совместного проживания в одной из берлинских гостиниц, а позднее, в Париже, они все вместе встречались с П.В. Долгоруковым.

Конечно, эти русские путешественники не принадлежали к числу выдающихся посетителей Герцена – таких, например, как Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Серно-Соловьевич. Но, вместе с тем, они были людьми, далеко неординарными и довольно известными в среде русской интеллигенции (особенно Толмачева).

Громкий общественный резонанс получило ее чтение 27 ноября 1860 г. стихотворного текста из “Египетских ночей” Пушкина на литературно-музыкальном вечере в Перми⁹. Подробный и очень сочувственный рассказ об этом вечере был напечатан в № 36 “С.-Петербургских ведомостей” 14 февраля 1861 г. – в статье “Из путевых заметок от С.-Петербурга до Иркутска”, подписанной инициалами *М.Т.*, за которыми скрывался Михаил Тиммерман. Автор подчеркнул высокую эмоциональность чтения Толмачевой, во время которого “все лицо ее изменялось беспрестанно, принимая то нежно-страстное, то жгучее, то неумолимо суровое, то горделиво вызывающее” выражение.

Информация о чтении Толмачевой на литературно-музыкальном вечере в Перми “Египетских ночей” вызвала оскорбительный и бестактный фельетон “Русские диковинки” П.И. Вейнберга, опубликованный в № 8 редактируемого им журнала “Век” 22 февраля 1861 г. под псевдонимом *Камень Виногаров*¹⁰. Пошло иронизируя по адресу Толмачевой, Вейнберг писал: «Русская дама, статская советница, явилась перед публикою в виде Клеопатры, произнесла предложение “купить ценой жизни ночь ее”, и как произнесла!» Предлагая Толмачевой прочесть стихотворение Пушкина: “Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем (!)”, Вейнберг заявлял: “При чтении его можно еще лучше принимать вызывающее выражение и делать еще более выразительные жесты! Уж коли эмансипироваться, так до конца! Зачем же останавливаться на полдороге?”

Фельетон заканчивался обращением к женщинам: “Долой всякую стыдливость, долой женственность, долой светские приличия; вас приглашает к этому г-жа Толмачева...”

Сокрушительную отповедь Вейнбергу дал М.И. Михайлов, незадолго до того выступивший с развернутой и обстоятельной статьей в трех книжках “Современника”, где горячо ратовал за эмансипацию женщин¹¹. В № 51 “С.-Петербургских ведомостей” от 3 марта 1861 г. он напечатал публицистический отклик под названием «О мерзостях г. Вейнберга. Безобразный поступок “Века”». Михайлова поддержали Н.В. Шелгунов, В.С. Курочкин и ряд других литераторов при общем сочувствии демократической печати.

Любопытные, хотя и полицейски-тенденциозные сведения о Толмачевой содержатся в официальной справке, составленной для III Отделения, штаб-офицером корпуса жандармов Пермской губернии подполковником Комаровым. В ней говорится: “Евгения Эдуардовна Толмачева¹² – жена председателя Пермской казенной палаты статского советника Толмачева, урожденная Эверсман, дочь умершего профессора Казанского университета, получила превосходное и серьезное образование, но с ранних лет, находясь в обществе учителей и профессоров Казанского университета, получила ложное направление. Впоследствии, увлекшись теориями французских публицистов Прудона и Мишле, во что бы то ни стало желала сделаться эмансипированной, применяя теории указанных авторов к собственной жизни. В молодости обладала замечательной наружностью, в 1847 и следующих годах жила в г. Оренбурге, где пользовалась особым вниманием графа Василия Алексеевича Перовского, муж ее в то время занимал должность начальника штаба Башкиро-Мещерякских войск. В

1856 г., по смерти графа Перовского¹³, Толмачев переменял военную службу на гражданскую, вскоре после того получил место председателя казенной палаты в г. Калуге, а оттуда в 1860 г. был переведен в г. Пермь. Г-жа Толмачева не пользуется уважением в обществе за высокомерие и резкость своих идей¹⁴.

В той же справке III Отделения дается краткая характеристика спутника Толмачевой Тиммермана.

«Г-н Тиммерман, — читаем в документе, написанном подполковником Комаровым, — как кажется, воспитанник второго кадетского корпуса, за какую-то шалость или леность, в котором году достоверно не знаю, но прежде Крымской кампании, был выслан юнкером на Кавказ, где вследствие раны потерял правую руку, произведен был в прапорщики с отчислением по армии и, состоя под покровительством Комитета о раненых, назначен был приставом к Шамилю в г. Калугу, где имел случай познакомиться и сойтись с г-жой Толмачевой. По переводе Толмачева в Пермь, Тиммерман вышел в отставку и приехал в Пермь, где в ожидании места жил в течение 6-ти месяцев на квартире у Толмачева. По влиянию г-жи Толмачевой муж ее заставил выйти в отставку чиновника по особым поручениям, при нем состоявшего г-на Кочевского (ныне секретарь 7-го округа корпуса жандармов), и на место его определил Тиммермана, но по отъезде жены своей за границу тотчас уволил его, и Тиммерман отправился за границу и, как кажется, в настоящее время находится вместе с г-жой Толмачевой в Лондоне; он же автор статьи, помещенной в 36 № “Санкт-Петербургских ведомостей” за 1861 г., возбуждавшей огромную журнальную полемику, во главе защитников г-жи Толмачевой стоял Михайлов, помещающий свои статьи в “Современнике”.

Тиммерман характера беспокойного, недовольный настоящим положением дел, выражался резко, общество пермское посещал редко и в короткое время своей службы успел приобрести полное нерасположение своих товарищей¹⁵.

Донесение Комарова датировано 19 ноября 1861 г. В это время Толмачева и Тиммерман, действительно, еще находились за границей, в Швейцарии. Выехали они в Европу летом того же года и не одновременно (Толмачева уехала в конце мая — начале июня и в деревушке Гейс ждала Тиммермана, сумевшего получить заграничный паспорт лишь 29 июля). Из Гейса они отправились вместе через Берлин в Париж, который произвел на них весьма неприятное впечатление. “Жандармы, полиция, шпионство, трусость и страх, нет свободы прессы, нет свободы слова, лица сумрачные у граждан, глупо самодовольные у солдат; грубость, наглая невежливость взамену услужливости и вежливости, бывшей когда-то синонимом французов. Париж, — писал Тиммерман 12 октября н. ст. И.И. Шишкину, — строится, мусор, мусор во всем, в словах, на улице, в законодательстве, в журналах. Но при всем этом мусоре недовольство растет, негодование глухо бродит в массе”¹⁶.

Далее Тиммерман сообщил своему адресату о встрече с П.В. Долгоруковым и высказал свое мнение о книге последнего “Правда о России”. “Политического значения, — писал Тиммерман, — она иметь не может, невзирая на все желание автора дать ей это значение”. Тиммерман считал конституционные рецепты Долгорукова непригодными для России.

Приехав в столицу Англии и узнав, что Герцен находится в Торквее, в семидесяти верстах от Лондона, Европеус, Тиммерман и Толмачева написали ему письмо, в котором изъявили желание его видеть. В ответ сразу же пришло приглашение приехать. Любезное согласие принять русских путешественников могло быть вызвано тем, что Герцен уже встречался с Европеус и ее мужем, приезжавшими в Лондон, по всей видимости, в конце 1858—начале 1859 г., когда семья Герцена жила в Фулеме¹⁷.

Очень лестную характеристику Европеус дала Н.А. Тучкова-Огарева, которая писала о ней: “Мне нравились в ней сдержанный английский характер и теплое чувство к родине ее мужа, что очень редко встречается в иностранках. Именно по этому чувству к России она относилась с большой симпатией и благоговением к Герцену”¹⁸.

Герцен не только пригласил к себе Европеус и ее спутников — он через Тхоржев-

ского прислал в подарок ей и Толмачевой экземпляры “Былого и дум”, а также “Полярной звезды”. Вместе с тем Герцен уведомил адресатов, что Огарев находится в Лондоне. Европеус и Тиммерман не упустили возможности нанести Огареву визит; а вечером старый друг Герцена пришел к ним в гости и очень понравился Тиммерману. “Сколько теллого, умного, благородного в этой личности! Он видимо грустит, – писал Тиммерман. – Он так печально, безнадежно улыбается, когда ему говорят о возможности возврата на родину”¹⁹.

На следующий день русские путешественники отправились в Торквей, где их уже ожидал Герцен. “Три дня, три счастливых дня провели мы в семействе Герцена”, – с восторгом сообщал Тиммерман своему адресату. По его наблюдениям, “Герцен крепкий боец, он не улыбается так грустно, как Огарев, в этом человеке железная воля, пламенная вера”²⁰.

Кроме того, в письме сообщались любопытные дополнительные детали о Ю.Н. Голицыне. Они, вероятно, восходят к устному рассказу Герцена о расприх Голицына со своими слугами, насыщенному подробностями, которые не вошли в более поздний текст “Былого и дум” (см. XI, 313–324). При прощании Герцен подарил гостям свои книги.

Встречи и общение с Герценом и Огаревым произвели на Тиммермана столь сильное впечатление, что он не мог не поделиться своими чувствами с близкими друзьями. Одновременно с письмом к Шишкину Тиммерман написал своему сослуживцу по армии капитану В.И. Полибину – офицеру Инспекторского департамента Военного Министерства²¹, рассказал о посещениях руководителей Вольной русской типографии в Лондоне.

В этом письме Тиммермана, естественно, кое-что совпадает с его письмом к Шишкину. Но при этом оно содержит важные сведения, которых в другом письме нет.

Приводим его здесь целиком²²:

«Милый Владимир Иванович!

Письмо это посылаю с мадам Европеус, которая, совершив с нами путешествие в Англию, возвращается в Россию. В Англии мы провели полторы недели, из которых три дня были у Герцена²³ в Торквее и Девоншире, а остальные дни в Лондоне в среде русских изгнанников. Личность Огарева напомнила мне вас своим тихим, задумчивым смехом. Три дня, прожитые в Торквее, останутся долго в моей памяти, таких дней немного в жизни: все эти дни с одиннадцати часов утра до двух часов ночи мы были с Герценом; его разговор увлекателен, сам он человек с сильной, непреклонной волей, это одна из тех личностей, которая поведет массу за собой, его одушевленная речь увлечет всех, взглянитесь (!) пристально в его портрет, он очень похож, я узнал его по портрету, когда он встретил нас на дебаркадере, и увидите, что такие люди не останавливаются ни перед чем. Огарев более симпатичен, как говорит моя спутница, и с сим я согласен, но энергии и воли, бесспорно, более в Герцене. Один будет думать, делать выводы, другой будет действовать, они контраст, но их обоих нельзя не любить.

Герцен был рад нашему посещению, не потому только что мы русские, не потому только, что наш приезд был данью уважения к нему, нет, он нас полюбил за то, что мы есть. Мой разговор с ним чрезвычайно характеристичен, в нем Герцен высказался весь. Разговор, конечно, был о России, я высказал, из каких элементов состоит наше общество. “Нет, нет, – сказал он, – я не верю, не хочу верить”. Это был порыв человека, сознающего истинность другого, но упорно отстаивающего свое упование. Мне было грустно за Герцена: тогда я только понял автора “С того берега”; он не противоречит себе, он просто двойственен; в кабинете – мыслитель, вне его – человек, страстно любящий родину, верующий в ее блистательное будущее, он нам подарил книги на прощанье и меня крепко, крепко обнял. Я не забуду этих дней. У Огарева в Лондоне был весь русский кружок, все печальные, все жаждущие возвращения на родину. Через несколько минут мы были со всеми ими, как со старыми хорошими знакомыми. Отчет обо всем этом я отдам при свидании, а теперь скажу

несколько слов о себе, я здоров, счастлив, живу очень мирно и покойно, желаний у меня нет, да, виноват, я желаю быть консерватором настоящего моего положения. В Швейцарии так хорошо, я бы хотел, чтобы меня забыли все, кроме вас, конечно, чтоб ни один звук с родины не возмущал моего покоя. Кстати о родине: что делает тетка, вернулась ли она из Пскова? Вы знаете, что в Петербурге я ее не видел, нет ли известий о дяде моем Николае Антоновиче? Брат мой Александр должен был у вас быть по приезду своем из Пскова от тетки; уведоьте, ежели был. Похлопочите у Сиверса о моем пансионе, вытребуйте бумаги, какие надо, из Перми. Скажите, пожалуйста, что наш Комитет (о раненых) так же подл, как прежде, или благодаря вашей бомбардировке сделался лучше? Все бумаги от меня смело подписывайте за меня, как это было во время моего пребывания в Перми. Пока мне ничего не нужно, но мне бы хотелось по приезде в Петербург жить в нем долго, а в нем я думаю быть в конце марта. Здесь нет книг, кроме тех, которые мы получили от Герцена и Огарева, а потому, будьте добры, вышлите на имя Толмачевой журнал "Время" за нынешний год, не франкируя его... Вот и все... – М.Т.».

К письму приложена коротенькая записка, адресованная брату Александру:

«Милый друг Саша, посылаю тебе книгу Герцена "С того берега". Я думаю, она будет тебя интересовать. Он мне подарил ее. Писать много некогда, сейчас иду провожать мадам Европеус, она едет домой в Тверь. Признаться, мне немного завидно: как ни хорошо здесь, а в России лучше. Прощай, мне бы очень хотелось, чтобы вы уговорили мать переехать за границу, я что-то боюсь, чтоб у вас не было каких-нибудь волнений, положим больших не будет, но ты знаешь, как мать от всего тревожится. Главное меня конфузит то, что (великий князь) Константин Николаевич нанял себе на 14 лет дом на острове Уайт и купил другой в Венеции. Он хитер и, вероятно, что-нибудь предчувствует...»²⁴

Казалось бы все описанное представляет собой лишь частный случай, эпизод жизни Герцена, Огарева и их гостей. Но нет: это нагляднейшая иллюстрация взаимоотношений "лондонских пропагандистов" с симпатичными им людьми.

Письма Тиммермана живо (а подчас фотографически) передают обстановку жизни Герцена и Огарева. Они отчетливо передают и общественно-политическую атмосферу, окружавшую в начале 1860-х годов обоих руководителей Вольной русской типографии.

После возвращения Толмачевой и Тиммермана в Россию (в марте 1862 г.) за ними установлен был негласный полицейский надзор²⁵. Евгения Эдуардовна поселилась в Петербурге на Итальянской улице, № 67, а Михаил Петрович – на Невском проспекте, № 100. Вскоре Толмачева поступила приказчицей в книжный магазин Н.А. Серно-Соловьевича²⁶. Незадолго до ареста владельца магазина она, 15 июня 1862 г. выехала с дочерью Софьей в Казань к своей матери. Ее муж в это время возбудил перед начальником III Отделения кн. В.А. Долгоруковым ходатайство о лишении Евгении Эдуардовны прав материнства и о передаче девочки отцу. Свою просьбу он мотивировал тем, что опасается "вредных последствий влияния его жены на находящуюся при ней малолетнюю дочь"²⁷. Но этим Толмачев не ограничился. Он подал официальное прошение о расторжении брака со своей женой.

9 сентября 1862 г. В.А. Толмачев вновь направляет в III Отделение на имя начальника штаба корпуса жандармов А.Л. Потапова следующую бумагу, в которой пишет: "Моя единственная и покорнейшая просьба к вашему превосходительству во время бытности моей в Петербурге, чтобы понудить жену мою к выезду в Казань, где она, находясь под надзором родной своей матери, могла еще образумиться. Неожиданный отъезд из Казани, продолжающая переписка с г. Тиммерманом и снова по приезде ее в Петербург сношения с Серно-Соловьевичем и другими, неизбежно повлекут ее как потерянную женщину, а меня – как мужа, к страшной ответственности перед правительством"²⁸.

В начале 1863 г. умерла малолетняя дочь Толмачевых Софья, что ускорило решение вопроса о разводе, которого настоятельно требовал сановный супруг²⁹. Бра-

коразводные притязания Толмачева очень напоминают развитие аналогичных событий, описанных Толстым в “Анне Карениной”.

В марте 1863 г. Толмачева, вероятно, переехала в Ростов-на-Дону, куда за ней последовал Тиммерман. На этом следы их теряются. А жаль! Евгению Эдуардовну и Михаила Петровича нельзя не отнести к числу весьма незаурядных людей, и дальнейшая судьба их не может не вызывать интереса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ГАРФ, ф. 109, оп. 223, ед. хр. 20–25.

²Там же, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, ед. хр. 395, л. 2–2 об. Сведения о задержании Европеус на Вержболовской таможене и отправке ее в Петербург в III Отделение приведены также в комментариях ЛХІ, с. 339–341 в публикации Б.П. Козьмина “К истории эмиграции 1860-х годов” (“Красный архив”, 1931, № 6, с. 148–153), в статье И.В. Смолина “Царизм в борьбе в вольной печатью Герцена” (“Ученые записки ЛГПИ им. Герцена”, 1947, т. 61, с. 59), а также в ЛЖГ III, 246–247.

³Там же, л. 11.

⁴Там же, л. 13–13 об.

⁵Там же, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 186, л. 39.

⁶Герцену сообщили об аресте Европеус, и он опубликовал об этом информацию в л. 112 “Колокола” от 15 ноября 1861 г. под названием “Война с дамами” (см. XV, 286).

⁷По приказу Александра II Европеус была подвергнута “полицейскому надзору с обязательством ее иметь безвыездное жительство в имении ее мужа, находящемся в Тверской губ.” (ЛХІ, 340).

⁸Тучкова-Огарева, 151.

⁹О литературно-музыкальных вечерах начала 1860-х годов см.: Ф.А. Л и т в и н а. Литературные вечера – одна из форм просветительской деятельности разночинцев (сб. “Некоторые вопросы отечественной истории в трудах В.И. Ленина”. Казань, 1971, с. 115–127).

¹⁰См. об этом: П.И. В е й н б е р г. Безобразный поступок “Века” (“Ист. вестник”, 1900, № 5, с. 472–489); ср. ИРЛИ, ф. 62, оп. 2, ед. хр. 37; П.Д. Б о б о р ы к и н. Воспоминания. За полвека, т. I. М., 1969, с. 191–193.

¹¹М.И. М и х а й л о в. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе (“Современник”, 1860, № 4, 5, 8).

¹²Сбоку против фамилии Толмачевой В.А. Долгоруковым написано: “Принять все это к соображению для общего очерка тех тайных связей и сношений, которые имеются у нас в виду. 30 ноября 1861 г.” (л. 89). В данном случае он подразумевал наблюдения за посетителями Герцена.

¹³В действительности Перовский умер в 1857 г.

¹⁴ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1861, ед. хр. 395, л. 89–89 об. – Некоторые данные о Толмачевой приведены в книге: М.К. К о з ь м и н. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 25 лет, т. 1. Казань, 1930, с. 189, 207.

¹⁵ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1861, ед. хр. 395, л. 89 об.–90.

¹⁶Там же, л. 13 об. – Полностью письмо Тиммермана к историку И.И. Шишкину от 1/13 октября 1861 г. из Лозанны опубликовано Б.П. Козьминым в “Красном архиве”, № 6, с. 149–152.

¹⁷Тучкова-Огарева, 150–151.

¹⁸Там же, 151.

¹⁹Б.П. К о з ь м и н. Указ. соч., с. 150.

²⁰Там же, с. 151. В публикации Козьмина искажено слово *боец*; в его тексте оно прочтено как *боле* (ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1861, ед. хр. 395, л. 15 об.).

²¹На запрос III Отделения “служащий в инспекторском департаменте Военного министерства” капитан Полибин дал следующие сведения о находящемся за границей Тиммермане: “Тиммерман, коллежский регистратор, служил в Куринском пехотном полку, уволен из одного подпоручиком в 1859 г., был потом помощником пристава при Шамиле в Калуге, а после того поступил на службу в Пермскую казенную палату. Полибин знаком с Тиммерманом по службе в Куринском полку. Толмачевой Полибин не знает, но ему известно, что Тиммерман, состоя на службе в Пермской казенной палате, был хорошо знаком в доме председателя палаты действительного статского советника Толмачева, который женат (на ней)” (там же, л. 57 об.).

²²Отрывки из этого письма с текстовыми погрешностями были опубликованы М.К. Лемке в комментариях к статье Герцена “Война с дамами” (ЛХІ, 339–340; ср. ЛЖГ II, 251).

²³Лемке назвал только месяц, в котором Европеус и ее спутники посетили Герцена – сентябрь (ЛХХII, 316). Можно точнее датировать визит названных лиц к Герцену – а именно – второй половиной сентября.

²⁴ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1861, ед. хр. 395, л. 10–12 об.

²⁵Там же, л. 89.

²⁶Там же, л. 107.

²⁷Там же, л. 101.

²⁸Там же, л. 120.

²⁹Там же, л. 134.